

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ/INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.98> EDN: DZRIFW

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.

Научная статья

Посохов С.С.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0000-8147-4299;¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (parashapomatany[at]gmail.com)

Предложена: 22.04.2026; Принята: 05.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

В статье рассматривается энергетическая нестабильность как один из ключевых факторов внешней политики Италии в Средиземноморском регионе в первой половине 2020-х гг. Анализируется влияние кризисных явлений на европейском энергетическом рынке, высокой зависимости Италии от импорта энергоресурсов, сокращения российских поставок и необходимости диверсификации источников снабжения на трансформацию внешнеполитических приоритетов страны. Особое внимание уделяется отношениям Италии с Алжиром, Ливией и Азербайджаном, а также стремлению Рима укрепить свои позиции в качестве энергетического хаба Южной Европы. Делается вывод о том, что энергетическая нестабильность стала не только экономическим вызовом, но и важным фактором усиления прагматического и экономически ориентированного характера внешней политики Италии в Средиземноморье.

Ключевые слова: Италия, внешняя политика, Средиземноморский регион, энергетическая нестабильность, энергетическая безопасность, природный газ, Алжир, Ливия, Азербайджан, энергетическая дипломатия.

ENERGY INSTABILITY AS A FACTOR IN ITALY'S FOREIGN POLICY IN THE MEDITERRANEAN REGION IN THE FIRST HALF OF THE 2020S.

Research article

Posokhov S.S.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0000-8147-4299;¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

* Corresponding author (parashapomatany[at]gmail.com)

Suggested: 22.04.2026; Accepted: 05.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

The article examines energy instability as one of the key factors shaping Italy's foreign policy in the Mediterranean region in the first half of the 2020s. It analyzes the impact of the crisis in the European energy market, Italy's high dependence on imported energy resources, the decline in Russian supplies, and the need to diversify energy sources on the shift in the country's foreign policy priorities. Particular attention is paid to Italy's relations with Algeria, Libya, and Azerbaijan, as well as to Rome's efforts to strengthen its position as an energy hub of Southern Europe. The article concludes that energy instability became not only an economic challenge, but also an important factor that reinforced the pragmatic and economically oriented character of Italy's foreign policy in the Mediterranean.

Keywords: Italy, foreign policy, Mediterranean region, energy instability, energy security, natural gas, Algeria, Libya, Azerbaijan, energy diplomacy.

Введение

В первой половине 2020-х гг. энергетический фактор занял в системе внешнеполитических приоритетов Италии значительно более важное место, чем в предыдущие годы. Если ранее вопросы энергоснабжения рассматривались преимущественно как часть внешнеэкономической стратегии и общего сотрудничества со странами Средиземноморья, то в 2020–2025 гг. они фактически превратились в один из ключевых факторов, определявших содержание внешней политики страны. Это было связано как с последствиями пандемии COVID-19, нарушением глобальных цепочек поставок и ценовой волатильностью на энергетических рынках, так и с глубокой структурной зависимостью Италии от внешних источников топлива. По данным Международного энергетического агентства, в 2021 г. природный газ обеспечивал 42% общего энергоснабжения Италии [1], при этом 94% потребляемого газа импортировалось [1], а около 41% газового импорта приходилось на Россию [1]. Уже это соотношение показывало, что любые внешние потрясения в энергетической сфере неизбежно будут иметь для Рима не только экономическое, но и внешнеполитическое значение.

В этих условиях Средиземноморский регион приобрел для Италии особое значение, поскольку именно здесь пересекаются несколько критически важных для нее направлений: энергетика, торговля, транспортная логистика, миграция, инвестиции и безопасность. В результате энергетическая нестабильность первой половины 2020-х гг. стала для Италии не просто внешним кризисным вызовом, а фактором, ускорившим переоценку значения Средиземноморья

как ключевого пространства национальных интересов [2]. Поэтому анализ внешней политики Италии в этот период невозможно вести в отрыве от энергетической проблематики: борьба за надежность поставок, диверсификация источников газа, укрепление позиций в Северной Африке и стремление превратить Италию в энергетический узел Южной Европы стали важнейшими элементами ее региональной стратегии.

Энергетический кризис и переориентация курса Италии

Италия подошла к первой половине 2020-х гг. в положении государства с высокой импортной зависимостью в энергетической сфере. В энергетическом балансе страны ключевую роль сохраняли природный газ и нефть [1], а собственные ресурсы оставались ограниченными. Это означало, что устойчивость итальянской экономики напрямую зависела от внешних рынков, международной конъюнктуры и отношений с государствами-поставщиками. Такая модель делала Италию уязвимой как к росту цен, так и к политическим осложнениям на внешнем контуре. Даже до наиболее острой фазы энергетического кризиса было очевидно, что Средиземноморье имеет для Рима не только географическое, но и стратегическое значение: через него проходят основные линии связи Италии с Северной Африкой, а сама страна исторически стремится играть роль посредника между Европой и южным берегом Средиземного моря.

Пандемия COVID-19 стала важным фоном для последующей трансформации внешней политики. Хотя в 2020 г. спрос на отдельные энергоресурсы временно снизился, сам кризис наглядно продемонстрировал уязвимость модели, основанной на высокой зависимости от внешних поставок. Уже тогда энергетическая тема начала теснее увязываться с проблемой национальной устойчивости. Однако по-настоящему переломным моментом стал 2022 г., когда сокращение российских поставок потребовало срочной перестройки энергетической политики и соответствующей дипломатической активности. Европейская комиссия отмечала, что Италия сумела быстро диверсифицировать поставки газа за счет увеличения импорта из Алжира, Ливии и Азербайджана [2]. По данным IEA, доля российского газа в итальянском импорте сократилась с примерно 41% в 2021 г. [1] до около 3% к ноябрю 2022 г. [1]. Столь резкое изменение было бы невозможно без активного внешнеполитического сопровождения, поскольку новые объемы необходимо было не только приобрести, но и встроить в общую инфраструктуру снабжения.

Важным показателем антикризисной мобилизации стало состояние газовых хранилищ. К 1 ноября 2022 г. Италия достигла 95,45% заполнения газохранилищ [2], заметно превысив установленный на уровне ЕС минимум в 80% [2]. Даже к 15 апреля 2023 г. уровень заполнения составлял 60,65% [2], что свидетельствовало о достаточно высокой степени подготовленности страны к возможным новым перебоям. Эти меры сопровождалось сокращением спроса на газ и более гибким регулированием внутреннего рынка. В результате энергетическая проблема перестала быть сугубо хозяйственным вопросом и окончательно перешла в разряд стратегических задач, тесно связанных с дипломатией и общим позиционированием Италии в регионе.

Именно в этот период Средиземноморье окончательно закрепилось в итальянском политическом дискурсе как пространство «расширенной безопасности», где переплетаются энергетика, миграционные потоки, транспортные коридоры, инвестиции и борьба за политическое влияние. Аналитики ISPI и IAI подчеркивали, что энергетический кризис придал дополнительный вес южному направлению и усилил значение Северной Африки в стратегии Италии [6]. Это позволяет говорить не просто о реакции Рима на чрезвычайную ситуацию, а о более глубокой переоценке внешнеполитических приоритетов. Энергетическая нестабильность усилила прагматический характер итальянской дипломатии: приоритет начали получать те партнеры и те форматы сотрудничества, которые могли укрепить энергетическую безопасность страны и одновременно повысить ее политический вес внутри Европейского союза.

Особенно ярко эта логика проявилась в отношениях с Алжиром. В апреле 2022 г. Eni и Sonatrach подписали соглашение о наращивании поставок газа в Италию через газопровод TransMed, причем предполагалось постепенное увеличение объемов до 9 млрд куб. м в год в 2023–2024 гг. [9]. Это соглашение имело значение, выходящее далеко за рамки коммерческой сделки. Оно сопровождалось активизацией двусторонних контактов и способствовало превращению Алжира в одного из важнейших стратегических партнеров Италии. По данным ARERA, в 2024 г. Алжир сохранял позицию первого поставщика газа в Италию [11]. Тем самым энергетическая нестабильность способствовала усилению алжирского направления во внешней политике Италии.

Ливийское направление также сохранило большое значение, несмотря на хроническую нестабильность самой Ливии. Италия не только не сократила свое присутствие, но, напротив, стремилась сохранить позиции в этой стране именно как в важном энергетическом партнере. В январе 2023 г. Eni и National Oil Corporation объявили о запуске крупного газового проекта Structures A&E стоимостью около 8 млрд долларов [10]. Согласно данным Eni, проект рассчитан на начало добычи в 2026 г. и должен выйти на уровень 750 млн стандартных кубических футов газа в сутки [10]. Для Италии это означало не только перспективу будущих поставок, но и сохранение политико-экономического присутствия в одном из наиболее чувствительных государств Южного Средиземноморья. В данном случае энергетика выступала одновременно источником экономической выгоды и инструментом политического влияния.

Наряду с Северной Африкой важным элементом новой конфигурации энергоснабжения стал и азербайджанский маршрут. TAP AG сообщала, что к марту 2022 г. трубопровод TAP поставил в Европу первые 10 млрд куб. м газа, а его проектная мощность может быть расширена до 20 млрд куб. м [5]. Для Италии это имело особое значение, поскольку укрепляло ее роль как конечной точки одного из ключевых южных маршрутов снабжения Европы. В сочетании с поставками из Алжира и Ливии это формировало более устойчивую, многовекторную и политически выгодную модель, в которой Италия могла претендовать уже не только на статус крупного импортера, но и на роль важного распределительного узла.

Средиземноморье как пространство реализации интересов Рима

Если 2022–2023 гг. были временем срочной адаптации, то в 2024–2025 гг. все отчетливее проявлялся следующий этап — стремление институционализировать новую модель внешнеполитического поведения. Италия начала не просто

реагировать на энергетическую нестабильность, но и использовать ее как основание для более активного продвижения собственных интересов в Средиземноморье. Одним из важнейших элементов этой стратегии стал курс на превращение Италии в энергетический хаб Южной Европы. Эта линия опиралась на сочетание нескольких факторов: наличие трубопроводных связей с Северной Африкой, подключение к Южному газовому коридору, развитую внутреннюю сеть и усиление роли LNG в структуре импорта.

По данным ARERA, в 2024 г. валовой импорт природного газа в Италию снизился до 59,4 млрд куб. м против 61,8 млрд куб. м в 2023 г., при этом импортная зависимость страны несколько сократилась, а Алжир остался первым поставщиком [4]. Эти данные показывают, что Италия уже не просто преодолевала кризис, а закрепляла новую модель энергоснабжения, основанную на большем разнообразии источников и маршрутов. Значительную роль в этом играл LNG. По данным U.S. International Trade Administration, в 2024 г. LNG обеспечивал около 25% импорта природного газа в Италию, тогда как в 2023 г. этот показатель составлял 23%, а в 2022 г. — 11% [13]. Общий объем поставок СПГ достигал примерно 14,6 млрд куб. м [13]. Это свидетельствует о стремлении Италии выстроить более гибкую архитектуру энергоснабжения, где Средиземноморье сохраняет ключевое значение, но уже дополняется глобальными каналами поставок.

Внешнеполитическое значение этой модели заключалось в расширении пространства маневра Италии и одновременном усилении ее претензий на особую роль внутри ЕС. Тем самым Рим мог позиционировать себя не только как одного из крупнейших потребителей энергии, но и как важного посредника между южными поставщиками и европейским рынком. Эта логика особенно заметна на фоне африкано-средиземноморской политики Италии. В программном документе МИД Италии на 2024–2026 гг. Африка прямо названа одним из приоритетов внешней политики страны [8]. Одновременно План Маттеи был представлен как практическое выражение стратегии равноправного сотрудничества с африканскими государствами [8]. В официальных правительственных материалах подчеркивалось, что первоначальная финансовая база этого плана составляла около 5,5 млрд евро [14].

Важно, что План Маттеи следует рассматривать не как изолированную инициативу, а как часть более широкой внешнеполитической линии, в которой энергетика занимает одно из центральных мест. Речь идет о попытке соединить энергобезопасность, инвестиции, транспортную связанность, развитие инфраструктуры и политическое влияние в единой стратегии. Аналитики IAI уже в 2025 г. рассматривали этот план как один из ключевых инструментов итальянской политики в отношении Африки и расширенного Средиземноморья [7]. В этом контексте энергетическая нестабильность становится не только фактором давления, но и источником новых возможностей: под влиянием кризиса Италия не ограничилась решением внутренних антикризисных задач, а попыталась превратить свою уязвимость в дипломатический ресурс.

При этом новая линия Италии носит двойственный характер. С одной стороны, она остается предельно прагматичной и опирается на конкретные задачи: импорт газа, развитие маршрутов поставок, укрепление сотрудничества с Алжиром, Ливией и другими государствами южного направления. С другой стороны, Рим стремится придать этой политике более широкий смысл, представляя ее как партнерскую стратегию развития, стабильности и равноправного взаимодействия. Тем самым в первой половине 2020-х гг. энергетическая тема перестает быть узкотехническим вопросом и превращается в один из важнейших элементов внешнеполитического позиционирования Италии в Средиземноморье.

Заключение

Таким образом, в 2020–2025 гг. энергетическая нестабильность стала одним из ключевых факторов трансформации внешней политики Италии в Средиземноморском регионе. Высокая зависимость от импортного газа, сокращение российских поставок, необходимость срочной диверсификации источников энергии и стремление к большей устойчивости привели к заметному усилению южного направления итальянской дипломатии. В отношениях с Алжиром, Ливией и Азербайджаном энергетическое измерение стало играть особенно важную роль, а развитие трубопроводной и LNG-инфраструктуры придало Италии дополнительные основания претендовать на статус энергетического узла Южной Европы.

Вместе с тем значение энергетического фактора не ограничивалось задачей физического обеспечения поставок. Он стал основой более широкого переосмысления роли Италии в Средиземноморье и Африке. Внешняя политика Рима все более последовательно объединяла энергетику, торговлю, миграцию, инфраструктуру, инвестиции и дипломатическое влияние в единую стратегическую повестку. В этом контексте План Маттеи и курс на превращение Италии в энергетический хаб следует рассматривать как элементы единой стратегии, возникшей под воздействием кризиса и одновременно превратившей этот кризис в ресурс внешнеполитического усиления.

Следовательно, энергетическая нестабильность оказала на внешнюю политику Италии не ситуативное, а структурное воздействие. Она не только побудила Рим искать новых поставщиков газа, но и способствовала укреплению более прагматичной, экономически ориентированной и регионально активной дипломатии, в центре которой оказалось Средиземноморье как ключевое пространство национальных интересов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Вербицкая Т.В., Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.98.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Verbitskaia T.V., Ural State Archives, Ekaterinburg Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.98.1>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Italy 2023: Energy Policy Review // International Energy Agency. — Paris : IEA, 2023. — URL: <https://www.iea.org/reports/italy-2023> (accessed: 12.04.2026).
2. 2023 Country Report – Italy. Institutional Paper 236 // European Commission. — Brussels : European Commission, 2023. — URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/publications/2023-country-report-italy_en (accessed: 12.04.2026).
3. Annual Report 2024. Summary of the Annual Report to ACER and the European Commission // ARERA. — Rome : Autorità di Regolazione per Energia Reti e Ambiente, 2024. — URL: https://www.arera.it/fileadmin/EN/publications/acer_and_ec/AR_2024_Summary_EN.pdf (accessed: 12.04.2026).
4. Annual Report 2025. Summary of the Annual Report to the International Agency for Cooperation Between National Energy Regulators and the European Commission // ARERA. — Rome : Autorità di Regolazione per Energia Reti e Ambiente, 2025. — URL: https://www.arera.it/fileadmin/EN/publications/annual_report/Summary_2025.pdf (accessed: 12.04.2026).
5. TAP transports first 10 bcm of natural gas to Europe // TAP AG. — 2022. — URL: <https://www.tap-ag.com/news/news-stories/tap-transport-first-10-bcm-of-natural-gas-to-europe> (accessed: 12.04.2026).
6. Sarno G.S. Powering Change. Italian and EU Energy Transition in Times of War / G.S. Sarno, A. Rizzi. — Rome : Istituto Affari Internazionali, 2022. — URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2223.pdf> (accessed: 12.04.2026).
7. Simonelli F. The Mattei Plan One Year On / F. Simonelli // IAI Commentaries. — 2025. — №25|06. — URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom2506.pdf> (accessed: 12.04.2026).
8. Three-year Programming and Policy Planning Document 2024–2026. — Rome : MAECI, 2024. — URL: https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2025/07/Three-year-Programming_Policy-Planning-Documents_PPPD_2024-2026.pdf (accessed: 12.04.2026).
9. Eni S.p.A. Eni and Sonatrach agree to increase gas supplies from Algeria through TransMed. — 2022. — URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2022/04/eni-and-sonatrach-agree-to-increase-gas-supplies-from-algeria-through-transmed.html> (accessed: 12.04.2026).
10. Eni S.p.A. Eni launches a major gas development project in Libya. — 2023. — URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2023/01/eni-launches-a-major-gas-development-project-in-libya.html> (accessed: 12.04.2026).
11. The Figures for Public Services. Summary of 2024 data for electricity, gas, water, waste and district heating / ARERA. — Rome : ARERA, 2025. — URL: <https://www.arera.it/fileadmin/EN/PRESS/2025/250725eng.pdf> (accessed: 12.04.2026).
12. Italy's power users pay the price for high reliance on natural gas // Reuters. — 2024. — URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/italys-power-users-pay-price-high-reliance-natural-gas-2024-03-06/> (accessed: 12.04.2026).
13. International Trade Administration. Italy – Natural Gas & Renewable Energy // Country Commercial Guides. — Washington, D.C.: U.S. Department of Commerce, 2026. — URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/italy-natural-gas-renewable-energy> (accessed: 12.04.2026).
14. Mattei Plan for Africa: resources and financial instruments. — 2024. — URL: <https://www.governo.it/en/articolo/mattei-plan-africa-resources-and-financial-instruments/31302> (accessed: 12.04.2026).
15. Caballero-Vélez D. Business or Multilateralism? Italy and Spain's Competing Models of Engagement with Africa / D. Caballero-Vélez, F. Simonelli. — Rome : Istituto Affari Internazionali, 2025. — URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2521.pdf> (accessed: 12.04.2026).